Дворжецкий Евгений 1.12.04
151 газета - с. 7.

“когда захожу в кабинет, он всегда смотрит мне вслед”

вспоминая Евгения Дворжецкого

Пять лет назад не стало Евгения Дворжецкого, представителя знаменитой артистической династии: Вацлав Дворжецкий был его отцом, Владислав Дворжецкий — братом. Вдова артиста, Нина Дворжецкая, подготовила к этой дате сборник воспоминаний «Всегда ваш — Евгений Дворжецкий», фрагменты которого публикует Газета. Презентация сборника состоится сегодня на вечере памяти Дворжецкого в Российском академическом молодежном театре, а послезавтра — в магазине «Русское зарубежье».

Рива Яковлевна Левите, мама, режиссер, театральный педагог: «Никогда не расстаюсь с ним...»

Женя уехал из дома в 18 лет. Я понимала, что ему нужна свобода. Он был глубоким человеком даже мальчишкой, несмотря на кажущееся легкомыслие и легковерие. Всегда отдавал себе отчет во всех своих поступках. А у отца крутость характера проявлялась в желании, чтобы все было немедленно и прекрасно, чего не бывает с детьми, даже с самыми паиньками, никогда. Но став взрослым, Женя понял, какую огромную роль в его воспитании, становлении, в его представлениях о жизни сыграл отец.

Страстного увлечения театром, при том что старший брат стал известным актером, папа — замечательный артист, мама — режиссер, у Жени не было. Он общался с ребятами из горьковского театрального училища, они приходили к нам, дружба была — не разлей вода. Женя смотрел спектакли, категорично о них высказывался, равно как и о кинофильмах. Мы с ним много говорили об искусстве, о театре и кино. Мне кажется, что решение стать актером зрело в нем исподволь, друзья начали поступать в театральный институт, и вдруг — «Я попробую!». Папа против, а я: «Ну что же, будем пробовать, пожалуйста». Никаких протекций.

Он поехал поступать в Щукинское училище и провалился. По мастерству получил четверку, но завалил сочинение, сделал феноменальное количество ошибок. Как он мне потом рассказывал, подружка проверила его работу, а он решил, что написал мало, и накатал еще. Тут была и другая, главная причина: страшное увлечение — влюбился. Коротко, но ярко, жарко, и какое уж тут поступление? Мы ни к каким друзьям не обращались, ни за какие «нужные» рычаги не тянули — у нас был в доме такой принцип. Фамилия не сыграла решающей роли. Ну, Дворжецкий, ну и что? Короче говоря, он провалился (а хотел только в Щукинское училище), приехал домой. А в то время было положено отработать где-нибудь полгода, если собираешься поступать во второй раз. Женьку взяли чертежником в «Сантехпроект». Вспоминаю случай: приходит он как-то с работы и говорит: «Ой, мамуль, как интересно!» Я спрашиваю, что, тебе дали какое-то задание интересное? «Ты знаешь, что давали кур на Октябрьской вчера?» — «Нет...» На следующий день: «А сегодня я ходил за шампанским как самый молодой». Познавал жизнь. Но работал он, как все, от звонка до звонка, ровно шесть месяцев. Кстати, чертить любил.

Когда подошло время вступительных экзаменов, опять поехал в Москву, поступал уже и в Щукинское, и во МХАТ. И поступил в 1978 году в «Щуку». Я считаю, это — перст судьбы. У них подобрался очень хороший курс, замечательная была руководитель курса, которая давала прекрасную основу, Людмила Владимировна Ставская. «...»

Пришло время дипломных спектаклей. Мы с Вацлавом Яновичем стали ходить смотреть. Очень было страшно первый раз, но папа наш мне потом сказал: «А ты знаешь... Ничего!» Занимался Женя хорошо, окончил училище с красным дипломом. И принялся читать — «добирать багаж знаний». Мы всегда с Ниной смеялись, что он многого не прочел, а потом его как прорвало: Достоевский, Набоков, Гессе... Конечно, Нинино влияние здесь огромно. Она человек очень образованный, знающий, и Женю подстегивала, вдохновляла. Нина всегда умела и направить, и поправить. Кстати, наша с ней встреча произошла очень интересно. Мы с Женей договорились, что я должна познакомиться с Ниной, девочкой, с которой он учится. Встретиться решили на улице Грановского, в квартире моей мамы. Я пришла позже, чем Нина. Вхожу. За столом сидит хорошенькая светловолосая девочка с косичками. Думаю — славная. Начали разговаривать, она мне стала рассказывать о себе, все как-то очень свободно, легко, я вообще человек в этом смысле нетрудный, и мне вечно все рассказывают, делятся. Вдруг она мне говорит: «А моя фамилия Горелик». Я со смехом думаю: «Ах ты, паразитка, как быстро сориентировалась, что мне надо сказать». Прибежал Женя, я ему: «Хорошая девочка. Берем». Я очень полюбила Нину. Она стала родной, дорогой и близкой, в наших с ней характерах оказалось много похожих черт, мы прекрасно понимаем друг друга. Она меня как-то совершенно потрясла, сказав, что потеряла не только дорогого, любимого мужа, отца своих детей, друга, но и невероятно близкого собеседника. «...»

Женя только пришел в театр, и его сразу отметили, в первой роли — Интер в «Ловушке». Даже такой критик, как Евгений Сурков, очень суровый, очень ответственный (мы были знакомы, он бывал в нижегородском ТЮЗе на моих спектаклях), на премьере «Ловушки» подошел ко мне:

— У вас очень талантливый мальчик. Очень перспективный.

— Спасибо. Надеюсь. «...»

Женя жил, испытывая радость не только от того, что ему давалось легко, он любил рисковать, чтобы стало еще лучше, глубже, интереснее. Он шел на это, ему это было важно. Конечно, волновался, как оценят его работы родители — мама-режиссер и папа-артист, человек очень требовательный. Ничего себе: у такого актера (а Вацлав Янович актер был действительно совершенно удивительный), у такого интересного, такого известного человека вдруг оба сына пошли по его стопам! Существует нелепое мнение, что рабочая династия (например, сталеваров) — это прекрасно, а династия артистов — непременно «блатные». У нас такого быть не могло по определению.

И Владик, и Женя шли путем самостоятельным, путем преодоления, путем овладения профессией. Когда Женю спрашивали: «Тебе мешает или помогает то, что ты Дворжецкий?», он отвечал: «По-разному».

Женя сделал много значительного — и в Российском молодежном театре, и на Бронной, и в «Школе современной пьесы». Проработав всю жизнь в одном театре, руководимом таким талантливым режиссером и интеллигентным человеком, как Алексей Владимирович Бородин, он успевал сотрудничать с Женовачем — интереснейшим молодым режиссером, с признанным мастером — Леонидом Хейфецем, сыграл пять спектаклей в театре Иосифа Райхельгауза. Период работы над «Королем Лиром» был невероятно интересным: Женя параллельно репетировал Эдмунда в Молодежном, а с Сережей Женовачем, на Бронной, Шута. Одна и та же пьеса, совершенно разные переводы, разные абсолютно роли, разные режиссеры, разные партнеры, что очень трудно, но очень интересно, и оказалось результативно. Когда попал к Хейфецу первый раз, Женя говорил: «Я падаю, я ничего не могу! Рядом такие мэтры, такие гиганты — Володя Стеклов, Люба Полищук, Михаил Андреевич Глузский! И Хейфец — режиссер!» Они над ним экспериментировали, приводили его к «своему знаменателю», и играл он просто великолепно. «...»

Никогда не расстаюсь с ним, с момента осознания, что он б у д е т. Кроме того что он такой внимательный, заботливый, родной сын, он еще и личностно очень близкий мне человек. Слово «был» до сих пор дается мне с трудом. Самая большая радость для меня сейчас — слушать Женины старые интервью. Когда остаюсь одна дома, включаю и слушаю, наша связь не прерывается ни на минуту. Жизнь его продолжается. Он — в его прекрасной жене, замечательных детях, Ане и Мише, они очень на него похожи. С ним я всегда и во всем. Живу, слышу, вижу, разговариваю...

Адольф Шапиро, режиссер: «Не всем дано...»

Дворжику (так его звали в театре) не завидовали. Признавали за ним право на исключительность. Принадлежность к легендарной актерской династии охраняла его от пошлости.

Евгений Вацлавович нес груз своей фамилии нежно. Ответственно. Не подчеркивал театральную аристократичность. Однако! Сквозь актерский сленг, анекдоты, закулисные байки — достоинство, суверенность, шляхетность. Готовность прийти на помощь. И приходил. Известно. Многим. Репетировал весело. Настырно. Жаждал повторений. Не вышло? Сейчас выйдет. И вновь: «Давайте еще раз!» Готовность подняться над планкой обычного заставляла пристально всматриваться в этого артиста. Он «заслуженный», что ли? Будто вчера пришел. Не тронут закулисной маятой, душа не изуродована театральными буднями.

Я его числил в молодых. Импульсивный. Взрывной. Всегда куда-то или откуда-то мчится. Реагирует на новости. Подвижный. Ртутный. Заводной. Реактивный. Юный. Фанфан-Тюльпан Академического молодежного театра. А он уже сыграл много. И в кино, и в театре. С ним сроднились зрители. Принимали его как своего. Восхищались. А он педагог был. Не понимал я этого. Слышал: «Надо идти к студентам», — не осмыслял. К студентам? В нем самом что-то трогательно-студийное. Тяга к общности. Дворжик путал карты. Всем, кто точно знал, как они должны быть разложены. Педагог, желающий учиться. Мастер, чурающийся своего умения. Ведущий актер, готовый играть утренники, не матерящий режиссеров, хвалящий партнеров по сцене, не жалующийся на обстоятельства, преданный своему театру. Все это — Дворжецкий! В его облике было что-то замечательно неправильное. Гармония ломаных линий. Равновесие на грани падения. Как у акробатов Пикассо. Впрочем, Женю мог бы писать и Эль Греко, и Модильяни. Лицо притягивало мощным свечением, идущим из тайников души. И изломанной капризностью черт. Той, что свидетельствовала о его принадлежности к клану, когда-то именуемому богемой. Если режет слух — к Художественному. Артистическому. Его невозможно представить вне искусства. До сих пор. Вслушайтесь — Женя Дворжецкий! Это уже стихи. «..»

Женя ценил момент. Уважал мгновение. Недаром увлекался фотографией. Его снимки, как и он сам, не парадны. Люди на них застигнуты врасплох, без «чи-из». Большинство — симпатичные. Это не равнодушный объектив. Ласковость Жениного взгляда передавалась камере, сглаживая наши несуразности. На премьере нашего спектакля «Принцесса Греза» Дворжецкому некогда было выслушивать похвалы в свой адрес. Без устали снимал. Как мы пожираем бутерброды, млеем от неприкрытой лести, поднимаем тосты за здоровье друг друга. Будто хотел оставить нас нам такими, какими мы ему виделись.

А что же спектакль? Не получился. Чего-то я не рассчитал, чего-то не додумал, о чем-то не догадался вовремя. Однако! Благодаря встрече с Евгением Вацлавовичем он не стал «проходным» в моей биографии. Запомнился больше других. Навсегда: Дворжецкий-пилигрим стремительно выходит на палубу корабля и вглядывается в чернеющую пустоту зала, преодолевая сомнения — и тех, кто с последних рядов партера пристально вглядывается в него, и тех, кто рядом с ним на сцене, — в необходимости сохранения веры в то, что далеко не очевидно. «...»

Анна Ахматова как-то заметила, что сказанное в стихах — сбывается. А сыгранное актером?..

Иосиф Райхельгауз, режиссер: «Он смотрит нам вслед»

Был декабрь, я оказался в каком-то месте, где выставлялись работы разных скульпторов — макеты памятника Булату Окуджаве. Нужно было что-то выбрать и проголосовать, и это казалось странным и невозможным. Окуджава никак не вмещался в рамки памятника. В это время в зал вошел Герман, наш водитель, подошел ко мне и тихо сказал, что нужно срочно ехать в театр, потому что погиб Женя Дворжецкий. Почему-то именно в том зале, среди гипсовых фигур, изображающих Окуджаву, показалось, что это неуместная шутка. «Перестаньте, — сказал я Герману, — что значит погиб, сегодня же спектакль». — «Вы не поняли, он погиб». Еще какое-то время я продолжал ходить и смотреть на памятники. «...»

Когда начали репетировать «Чайку», я спросил Женю, хотел бы он играть в спектакле. Он ответил, что хочет сыграть Медведенко. Я очень удивился, потому что Медведенко — не та роль, о которой мечтают. Дворжецкий сыграл прекрасно. Позже я понял причину, почему он не хотел быть ни Треплевым, ни Тригориным, ни кем иным. Оказывается, его отец Вацлав Дворжецкий долго играл эту роль.

В один из вечеров шла «Чайка», уже далеко не в первый раз. Женя был почему-то очень напряжен, нервничал и все время повторял текст. «Что случилось?» — спросил я его. «Сегодня для меня очень важный спектакль, потом скажу». Играл он очень собранно и несвободно, а после спектакля объяснил: «Дело в том, что сегодня в зале была моя мама».

Потом мама пришла к нему в гримерную, и Женя долго и внимательно выслушивал ее замечания, как и положено студенту слушать мастера.

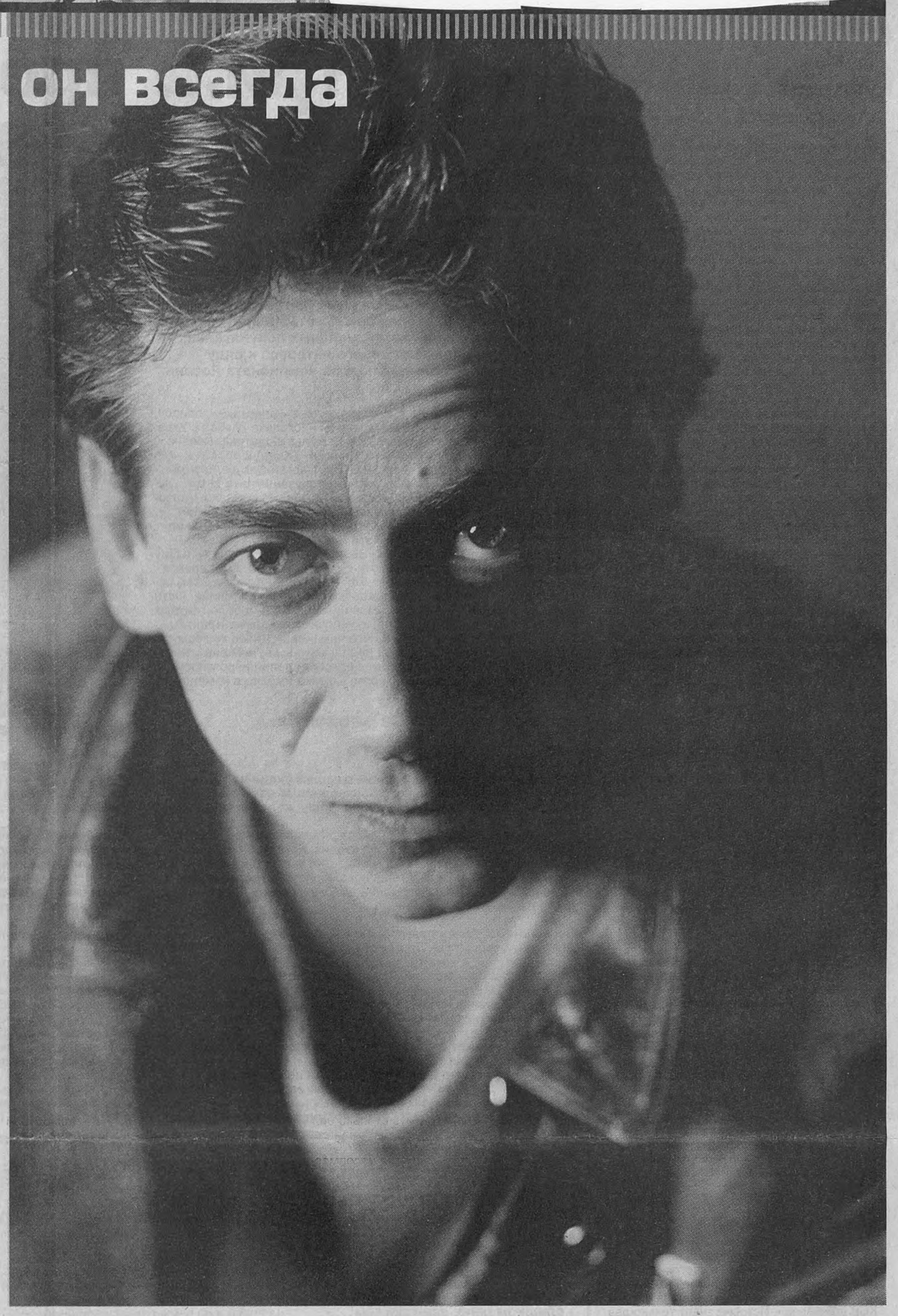
Об этом много говорили и писали, и я сам физически ощущал, что Женя несет на себе груз фамилии. Вацлав Дворжецкий, Владислав Дворжецкий, мама — Рива Яковлевна Левите, выдающийся театральный педагог...

Женя жил и играл за них тоже. За всю семью. И когда он дарил мне книгу об актерской династии Дворжецких, подписал ее так: «Вам подарок от одного из нас». «...»

Праздновали десятилетие «Школы современной пьесы». Была глубокая ночь после трудного дня, когда все, и Женя тоже, принимали гостей и провели долгий юбилейный вечер. Сил было потрачено много, и уже только свои остались отмечать в ресторанчике. Я подпер голову кулаком и позволил себе расслабиться. Женя тут же среагировал, бросив на меня быстрый взгляд художника и творца: «Иосиф Леонидович, вы можете не менять мизансцену?» Я застыл. В свободную руку Женя вложил мне дымящуюся сигару, на первый план поставил бутылку водки и в этих декорациях меня сфотографировал. При том что я почти не пью и совсем не курю, портрет Жени абсолютно меня выражает, я сам вижу себя таким.

Много раз слышал, как Женя совершенно профессионально рассуждал об автомобилях. Он погиб на «девятке», которой гордился, которую объезжал, оседлывал, заводевывал. «...»

Возле моего кабинета в театре висит огромная фотография — финальная сцена из «Чайки». На подмостках дачного театрика все персонажи пьесы. Такое семейное фото из альбома. На первом плане — Женя Дворжецкий, грустный Медведенко. Когда я открываю дверь — встречаюсь с ним взглядом, а когда захожу в кабинет — он всегда смотрит мне вслед.



газета

прерванный полет

Евгений Дворжецкий — популярный актер и телеведущий, родом из знаменитой театральной семьи: Вацлав и Владислав Дворжецкие, чьи имена можно считать знаковыми в истории отечественного кинематографа, — его отец и брат. Женька, Женечка, Жека, Дворжик — так называли его друзья и близкие. Ему не исполнилось и сорока, когда трагическая случайность оборвала его жизнь; он ушел на взлете, многого не успев. Но в памяти зрителей — такое лицо, увидев однажды, невозможно забыть — остались король Генрих из телесериала «Графиня де Монсоро», романтический Эдмон Дантес из «Узника замка Иф», Шура Балаганов из гротескной комедии Василия Пичула «Мечты идиота». Театралы помнят его работы в Российском молодежном и театре «Школа современной пьесы». Книга «Всегда ваш — Евгений Дворжецкий» далека от академических эталонов а-ля «ЖЗЛ». Здесь собраны воспоминания актеров, режиссеров, журналистов, насыщенные театральными и кинокурьезами, закулисными шутками, житейскими эпизодами... но не только. В ней — сам Женя, неординарный и многогранный, такой, каким его знали друзья и каким хотели бы знать многие. Основная тональность повествования — ощущение теплоты, света и любви, которой Женя одаривал людей; оно осталось с ними и сквозит между строк. В книгу вошли воспоминания Владимира Стеклова, Дмитрия Диброва, Сергея Шустицкого, Льва Дурова, Чулпан Хаматовой, Иосифа Райхельгауза, Леонида Хейфеца, Сергея Женовача, Алексея Горбунова и других. Книга богата иллюстративным материалом; в ней использованы фотографии из архива семьи Дворжецких, а также снимки самого Жени, увлекавшегося фото- и видеосъемкой.

В роли Эдмона Дантеса в фильме «Узник замка Иф» (1988)

В роли Тита в спектакле РАМТа «Береника»

В роли Фауста в одноименном спектакле РАМТа

В роли Генриха III в телесериале «Графиня де Монсоро» (1998)